

С чистого
холста

Камиша Камиша

С чистого холста

<https://litres.ru/74372707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все вокруг живут «правильно»: получают кольца на безымянный палец, строят карьеры и вешают на стену дипломы, которые должны сделать их счастливыми. А я?

Я учусь в меде, ненавижу запах спирта и каждое утро просыпаюсь с тяжелым ощущением, что проживаю чужую, выдуманную жизнь. В 20 лет я поняла: если не остановлюсь сейчас, я окончательно сломаюсь под грузом чужих ожиданий.

В один вечер я просто приняла решение. Выкинула медицинский бейдж в мусорный бак, купила билет на первый попавшийся поезд в один конец и выключила телефон навсегда. Я стала «невидимкой» в чужом городе, чтобы наконец-то узнать, кто я такая, если убрать из уравнения мнение родителей, советы подруг и навязанный «успешный успех».

Это не история о том, как легко бросить всё. Это история о том, как страшно — и необходимо — сбежать из идеальной жизни, чтобы найти свою настоящую.

Содержание

1 Глава	4
2 Глава	12
3 Глава	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

С чистого холста

1 Глава

Запах в морге был не просто неприятным. Он был въедливым, сладковато-гнилостным, и, казалось, он навсегда пропитал мою кожу, мои волосы, мои мысли. Я стояла, сжимая в кармане халата холодный металлический зажим, и смотрела на кафельный стол. Преподаватель что-то увлеченно бубнил про особенности строения тканей, а мои одноклассники — прилежные, сосредоточенные, «будущие светила медицины» — старательно конспектировали каждое его слово.

Меня стошнило. Не физически — тошнота была глубже. Она поднималась из самого желудка, подкатывала к горлу, когда я видела, как Максим, мой одноклассник, аккуратно делает разрез. Он делал это с таким удовольствием, с такой уверенностью, которой у меня не будет никогда.

Я перевела взгляд на свои руки. Они были бледными, тонкими, совершенно не подходящими для того, чтобы вершить судьбы или копаться во внутренностях. «Что я здесь делаю?» — этот вопрос пульсировал в висках громче, чем лекция.

После пары я вышла на улицу. Холодный ноябрьский воздух немного прояснил сознание, но тяжесть не ушла. Зашла в кофейню напротив университета. Там, за соседним столиком, сидела Юлька. Она светилась. На пальце поблескивало

кольцо — подарок от её парня-ординатора.

— Милана! — она радостно замахала мне рукой. — Ты не представляешь, мы вчера выбрали ресторан! А ты что такая кислая? Опять зачет по гистологии? Ничего, скоро сессия, потом практика, интернатура — и будем лечить людей! Ты подумала про ту клинику, куда я советовала податься?

Я натянуто улыбнулась, чувствуя, как внутри всё сжимается в комок.

— Да, Юль, конечно. Подумаю.

Я врала. Я не думала ни про какую клинику. Я вообще не могла представить себя в белом халате через год, через пять лет или через десять. У всех вокруг был план. У Юльки — свадьба и карьера. У Максима — амбиции и научная степень. У родителей — «Милана станет врачом, это престижно».

А у меня? У меня была только оглушительная пустота. Я не знала, кем хочу стать. Мне не хотелось спасать жизни, не хотелось стоять на дежурствах, не хотелось быть частью этого конвейера. Я не знала, что я люблю. Я не знала, что мне нравится. Я будто была персонажем в книге, где кто-то другой написал все мои реплики, а я просто послушно открываю рот, произнося чужие слова.

Я вышла из кофейни, достала телефон и зашла в социальные сети. Фотографии счастливых лиц, достижения, успехи, «я на пути к своей мечте». Я закрыла экран, будто он жег мне пальцы.

На светофоре я остановилась и посмотрела на свое отражение в витрине магазина. На меня смотрела девушка с пустыми глазами, одетая в белый халат, который был ей велик, как и вся эта жизнь.

В этот момент я поняла: если я сейчас же не сделаю шаг в сторону, я просто перестану существовать. Я растворюсь в этом запахе антисептика, в чужих ожиданиях и в этой невыносимой, фальшивой правильности.

Я засунула руку в карман, нащупала студенческий билет и бейдж с надписью «Милана Ветрова».

— Хватит, — прошептала я сама себе, и голос прозвучал удивительно твердо.

Я еще не знала, куда пойду. Я еще не знала, что буду делать завтра. Но я точно знала, что больше не войду в стены этого университета. Никогда.

Вернувшись в общежитие, я заперлась в комнате. В воздухе висел запах старой пыли и соседской лапши быстрого приготовления — запах моей нынешней реальности.

На столе лежали учебники по анатомии. Тяжелые, толстые, обтянутые кожей, они казались мне надгробиями. Я села на кровать, обхватив колени руками. Голова шла кругом. Что делать дальше? Позвонить матери? Представила её голос: «Миланочка, ты что, с ума сошла? Это же престижно! Диплом — это база! Ты просто устала, возьми выходной».

Они бы не поняли. Они бы превратили мою жизнь в дискуссию, в список аргументов «против», в бесконечные нота-

ции о том, как «надо жить правильно». Я знала, что как только открою рот, мой побег будет обречен. Я просто не имею права обсуждать с ними решение, которое уже приняла моя душа.

Я открыла ноутбук. Единственный человек, который не требовал от меня успеха — это Катя. Мы познакомились три года назад в паблике для тех, кто ищет вдохновение в творчестве, а не в карьерных лестницах. Катя жила в Москве, работала на фрилансе и никогда не спрашивала, почему я всё ещё учусь там, где мне плохо.

«Кать, я ухожу», — напечатала я, глядя на мигающий курсор.

«Из меда?» — пришло мгновенно.

«Из всего. Я не могу здесь дышать. Мне нужно уехать. Сейчас же».

Сердце колотилось в горле, как пойманная птица. Я не ждала от неё одобрения, я искала точку опоры.

«У меня есть диван, Мил. И билет на ночной поезд до Москвы стоит копейки. Если ты не уедешь сейчас — ты не уедешь никогда. Я буду ждать».

Я закрыла ноутбук. Руки дрожали так сильно, что я едва могла попасть пальцами по экрану телефона. Зашла в приложение авиабилетов. Мои накопления — жалкие двадцать тысяч, отложенные с подработок и родительских переводов «на обеды».

Выбрала рейс на ближайшее утро.

Палец завис над кнопкой «Оплатить». В голове мелькнуло: «Милана, ты совершаешь самую большую ошибку в жизни». Но следом пришло другое: «Худшая ошибка — это прожить чужую жизнь до конца».

Нажала «Купить».

Экран мигнул: *«Билет забронирован. До вылета: 6 часов 40 минут».*

Я выдохнула. Комната перестала быть моей тюрьмой — она стала просто комнатой в хостеле, из которой я скоро навсегда выйду. Я не взяла с собой ничего лишнего: никакой медицинской литературы, никаких памятных безделушек, которые напоминали бы мне о «той» Милане. Только паспорт, зарядку, пару свитеров и тетрадь для записей, в которой годами не было написано ни строчки от сердца.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Впервые за два года я не ставила будильник на «учебу». Я поставила его на «свободу».

Завтра в это время я буду в воздухе. Завтра я больше не буду студенткой меда. Завтра я стану никем.

И эта мысль, вопреки всему, приносила мне не страх, а странное, почти пьянящее спокойствие.

Утро в общежитии встретило меня не лучами солнца, а тяжелым, свинцовым молчанием. За окном шел мелкий, противный дождь, превращая город в размытое серое пятно. Я смотрела на свои вещи — всё мое «нажитое» за два года учебы имущество уместилось в один чемодан и рюкзак.

На столе, прямо поверх распахнутого учебника по хирургии, лежал телефон. Я сознательно не заходила в мессенджеры. Знала, что там — бесконечные сообщения от мамы: «Милочка, ты поела?», «Как зачет?», «Мы с папой гордимся, что ты выбрала такой сложный путь».

Они жили в другом конце страны, за тысячи километров отсюда, и это давало мне странную, колючую свободу. Я не хотела сейчас слышать их голоса. Если бы я услышала их обеспокоенный тон, если бы мама спросила, не слишком ли я бледная — я бы сломалась. Я бы начала оправдываться, объяснять, что «медицина меня душит», а они бы начали успокаивать меня, предлагая «просто отдохнуть неделю дома». Но это не было усталостью. Это был конец.

Я решила: никаких объяснений до тех пор, пока я не пойду по своей дороге. Пусть это будет эгоистично, пусть это будет жестоко, но если я сейчас начну отчитываться, я никогда не уеду. Я останусь запертой в этом теле, в этом халате, в этом чужом сценарии.

Путь до аэропорта казался сном. Такси петляло по улицам, мимо знакомых витрин, мимо университета, чьи серые стены каждое утро высасывали из меня остатки радости. Я смотрела на всё это, и мне становилось невыносимо грустно. Я прощалась не с городом, а с той «Миланой», которую все знали. Той послушной девочкой, которая никогда не спорила, всегда приносила хорошие оценки и вежливо улыбалась, когда ей хотелось кричать. Мне было до слез жалко ту Ми-

лану, которая так старательно пыталась втиснуть свою жизнь в узкие рамки чужих ожиданий. Она была хорошей, эта девочка. Но она была не мной.

Аэропорт ослепил меня ярким светом ламп. Гудение толпы, суета, объявления рейсов — всё это казалось мне шумом другого мира. Когда я подошла к стойке регистрации, руки начали дрожать так сильно, что паспорт едва не выскользнул из пальцев.

— Девушка, вы летите одна? — спросила сотрудница, глядя на мою бледность.

— Да, — голос прозвучал глухо, как из бочки. — В Москву. В один конец.

Я прошла досмотр, сбросила обувь, прошла через рамку, чувствуя себя обнаженной. Каждый шаг давался с трудом, словно ноги налились свинцом. Оказавшись в зале вылета, я нашла самый дальний угол и опустилась на жесткое пластиковое сиденье.

Здесь, среди сотен незнакомых людей, страх накрыл меня цунами. Внутри проснулся ледяной голос сомнения: *«Что ты творишь? Ты сбежала как преступница. У тебя нет ни работы, ни нормального плана, ни права на ошибку. Ты просто прилетишь к подруге, которую видела только в интернете, и что дальше?»*

Я сжала края рюкзака. Ладони стали влажными от пота. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышат все вокруг. А что, если я — просто неудачница, которая не смогла вы-

терпеть обычную нагрузку? Что, если я приеду, посижу у Кати пару дней, а потом осознаю, что везде одинаково плохо, потому что «плохо» — это внутри меня?

Я достала телефон. Экран засветился пропущенными звонками. Мама. Папа. Одноклассники. Они уже начали искать меня. Палец завис над кнопкой «Выключить». Это была точка невозврата. Если я сейчас нажму — я официально исчезну из их реальности.

Я вспомнила запах формалина, который, казалось, въелся в мои поры. Вспомнила холодную сталь инструментов. Вспомнила чувство, когда ты просыпаешься утром и хочешь только одного — чтобы день не наступал.

Я нажала «Выключить». Телефон погас, превратившись в кусок черного стекла.

— Пусть я буду никем, — прошептала я, чувствуя, как по щеке катится первая горячая слеза. — Но я буду собой.

В динамиках объявили посадку на мой рейс. Я поднялась, вытирая лицо рукавом. Ноги все еще подрагивали, но в груди, впервые за долгие годы, появилось крошечное, почти незаметное тепло. Это была надежда.

Я шла по телетрапу, и каждый шаг был словно глоток свежего воздуха. Там, за облаками, меня ждала Москва, ждала Катя и, может быть, та жизнь, которую я наконец-то смогу назвать своей.

Вот и начинается новая глава в моей жизни..

2 Глава

Самолет приземлился в Шереметьево, когда сумерки уже накрыли Москву густым бархатом. В иллюминаторе плыли огни — бесконечные россыпи желтых и белых искр, похожие на рассыпанные по черному полотну бриллианты. Я прижалась лбом к холодному стеклу. Внутри меня всё ещё вибрировал гул двигателей, но это была лишь слабая тень того ужаса, что я испытывала утром. Сейчас на его место пришло пугающее, острое, как лезвие, любопытство.

Когда я вышла в терминал, меня чуть не сбила с ног толпа. Москва не просто жила, она неслась вперед, сметая всё на своем пути. Я чувствовала себя песчинкой в этом океане.

Я начала искать глазами Катю. Мы дружили пять лет, обменивались длинными голосовыми сообщениями, знали тайны друг друга, но никогда — слышите, *никогда* — не видели друг друга вживую. Я знала, что она будет в яркой оранжевой куртке, как мы и договаривались.

Но тут мой взгляд упал на ленту выдачи багажа. Один за другим люди подходили, хватали свои сумки и уходили. Моя лента остановилась. Последний чемодан был забран. А моего — темно-синего, единственного, что связывало меня с прежней жизнью — на ленте не было.

Паника ударила в виски. В чемодане были все мои сбере-

жения, спрятанные в глубине между одеждой, паспорт, документы об образовании (которые я зачем-то всё же прихватила), и единственное дорогое мне украшение — серебряный кулон, подаренный бабушкой.

Я заметалась по залу, опрашивая охранников, бегая от одной стойки к другой.

— Девушка, успокойтесь, пишите заявление, — сухо бросил сотрудник, протягивая мне бланк.

Я писала, а у самой дрожали руки. Вот он — первый «успех» самостоятельной жизни. Остаться в огромном мегаполисе без вещей, без денег и почти без надежды.

— Милана?

Я обернулась. Передо мной стояла девушка с короткими светлыми волосами в ярко-оранжевой парке. Катя. Настоящая, живая Катя. Она выглядела точно так же, как на аватарке, только в жизни в её глазах было куда больше понимания. Она не стала расспрашивать про вещи. Она просто подошла и крепко, до боли, обняла меня. В этот момент я впервые за все годы почувствовала, что я не одна.

— Мы всё найдем, — сказала она уверенно. — А пока — поехали домой. Ты выглядишь так, будто пробежала марафон.

Мы вышли на привокзальную площадь. Ночь уже окончательно вступила в свои права. Я подняла голову вверх и замерла. Москва была другой. Не той, что показывают в новостях. Она была огромной, пульсирующей, бесконечной. Ты-

сячи огней высоток пронзали небо, рекламные щиты окрашивали асфальт в неоновые цвета, а поток машин напоминал огненную реку, которая никогда не засыпает.

От этой красоты, от осознания того, что я стою здесь — в сердце страны, где меня никто не знает, где я могу стать кем угодно — у меня защемило в груди. Сначала я просто часто дышала, пытаюсь сдержать эмоции, но потом слезы хлынули сами собой. Не от горя. А от какого-то пронзительного облегчения.

— Красиво, да? — тихо спросила Катя, закуривая.

— Очень, — выдохнула я, смахивая слезы тыльной стороной ладони. — Это всё... так по-настоящему.

Катина квартира оказалась небольшой студией на высоком этаже с огромным окном. Когда мы вошли, я подошла к стеклу и прислонилась к нему. Внизу, как на ладони, лежал город. Он был таким чужим, таким холодным, но в то же время — таким гостеприимным в своей безразличности к моему прошлому.

Я сбросила куртку и посмотрела на свои руки. Они были свободны от халата. Свободны от ожиданий. Впереди была полная неизвестность, холодная ночь в чужом городе и поиск пропавшего багажа. Но в тот момент я знала одно: я больше никогда не вернусь в тот кабинет с запахом формалина.

— Завтра начнем новую жизнь, — сказала Катя, протягивая мне кружку горячего чая. — А сегодня — просто дыши, Милана. Ты доехала, а это главное

И я начала дышать. Впервые за 20 лет полной грудью.

Очередь в «Lost & Found» была пыткой. В душном помещении, где пахло дешевым парфюмом и перегаром, я стояла уже полчаса. Мой синий чемодан — мой единственный якорь в этом чужом городе — исчез вместе с остатками моей уверенности.

— Девушка, я же сказала, в базе пусто, — сотрудница за стойкой, женщина с выцветшими от усталости глазами, даже не подняла голову. — Идите, не создавайте очередь.

Я стояла и чувствовала, как внутри все холодеет. В чемодане были не просто вещи. Там был мой паспорт, все мои сбережения и та самая тетрадь — единственное место, где я хоть раз позволила себе быть честной.

— Послушай, — рядом со мной материализовался парень. Высокий, в мятой куртке, с наушником в ухе. Он только что закончил ругаться с кем-то по телефону. — Они тебе не помогут. У них программа висит с самого утра, они даже свои обеды найти не могут, не то что багаж.

Я повернулась к нему. Он выглядел как человек, который проводит в аэропортах больше времени, чем дома. Он даже не смотрел на меня — просто бросил взгляд на мой красный от напряжения нос.

— И что делать? — мой голос сорвался на шепот.

— Иди в зону «негабарита», слева от входа для персонала. Там вечно горы хлама валяются из-за сбоя ленты. Если твой чемодан синий, как ты сказала, его могли свалить туда по

ошибке. Я там видел похожий, когда курил.

Он равнодушно пожал плечами, поправил рюкзак и пошел в сторону выхода.

— Стой! — крикнула я, но он лишь махнул рукой, не оборачиваясь. Он даже не спросил, как меня зовут. Он не был «спасителем», он просто был случайным прохожим, который кинул мне подсказку, как кость собаке.

Я рванула к указанной двери. Охраны там не было, только гул работающей техники. В полутемном ангаре, среди гор чужих сумок, я действительно нашла его. Мой чемодан одиноко стоял у стены, наполовину засыпанный какими-то коробками.

Когда я вытянула его на свет, руки тряслись от адреналина. Я чувствовала себя абсолютно потерянной. Этот парень ушел, даже не взглянув на меня. И это было правильно. Никто не собирался брать меня за руку и вести в «новую жизнь». В Москве всем плевать на твои побеги, на твои слезы и на твою драму.

Я выкатилась в зал прилета, где меня ждала Катя. Она увидела мой чемодан и радостно замахала руками, но я на секунду замерла, глядя на пустую дверь, в которую только что вышел тот парень.

— Мил, ты чего? Нашла? — Катя подбежала ко мне, пытаясь забрать ручку сумки.

— Нашла, — тихо сказала я.

Я смотрела, как мимо нас проходят тысячи людей. Нико-

му из них нет дела до того, что я бросила мед, что я боюсь завтрашнего дня и что я до сих пор не понимаю, кто я такая. Москва была огромной, холодной и совершенно равнодушной к моей боли.

— Пойдем, — Катя потянула меня к выходу. — Нам нужно отогреться.

Мы вышли на ночную улицу. Морозный московский воздух ударил в лицо, пробирая до костей. Я прижала к себе чемодан, понимая: эта история — только моя. Никаких красивых знакомств, никаких сказочных спасений. Только я, чемодан с моими вещами и город, который даже не заметил моего приезда.

И знаете что? Это было именно то, что мне нужно. Настоящая, не приукрашенная свобода.

3 Глава

Катя ушла рано, оставив на столе записку: *«Кофе в турке, ключи на тумбочке, не скучай. Вернусь вечером — пойдем покорять центр»*. За дверью затихли её каблуки, и в квартире повисла звенящая, давящая тишина.

Я подошла к окну. Москва внизу шумела, как растревоженный улей. В руках — мой телефон. Я не включала его двое суток, и сейчас, нажав на кнопку, я почувствовала, как пальцы снова предательски дрожат. Экран взорвался уведомлениями.

142 пропущенных от мамы. 87 сообщений в группе курса. 12 от бывшего.

Сердце пропустило удар. Мама писала: «Мила, ответь, я места себе не нахожу!», «Ты где? Мы звоним в полицию!». Одногоруппники обсуждали мое «странное исчезновение». Меня тошнило от этого цифрового шума. Я была в Москве, но старая жизнь буквально выла из динамика, требуя отчета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.